
**ПРЕДКОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ:
ИНДИКАТОРЫ, МОНИТОРИНГ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ.
МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДКОНФЛИКТНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ
И БЕЗОПАСНОСТЬ**

В.Н. Давыдов

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Г. Хуссейн

Медиагруппа «Хранитель»
Олимпийский пр-т, 22, Москва, Россия, 129110

В статье раскрывается методика определения и анализа предконфликтной ситуации на примере современной внешней политики США.

Ключевые слова: глобальная безопасность, моделирование сложных военно-политических процессов, «воронка» гонки вооружений, баланс военно-стратегических интересов, математический анализ предконфликтных ситуаций.

Немотивированное применение военной силы, как это было в случае с вторжением НАТО и США в бывшую Югославию, в Ирак и Афганистан, ставит в повестку дня необходимость разработки универсальных методик определения предконфликтных ситуаций, стандартных параметров, которые, с одной стороны, позволят мировому сообществу объективно судить об источнике угроз, классифицировать поведение участников конфликта по нормам международного права (агрессор—жертва), а с другой, — политическими и иными невоенными мерами предупреждать кровопролитие.

Дмитрий Медведев, познавший себестоимость тяжести решения по применению военной силы в приграничных конфликтах, с пиететом относится к ценностям мирного сосуществования и с известной озабоченностью обращается к мировой общественности и в первую очередь — к ядерным державам: «Думаю, что сегодня для всех очевидно, безопасность — понятие неделимое. Влияние на нее оказывает не только ситуация в конфликтных регионах мира, но и нестабильность в отдельных странах. И если мы хотим, чтобы коллективные действия мирового сообщества были эффективны, то должны откровенно и глубоко обсуждать накопившиеся проблемы, *всесторонне их анализировать* (курсив наш — авт.) и совместно выработать продуманные решения. Именно на это нацелена та резолюция Совета Безопасности, которую мы только что приняли. Заложенные в ней меры — это реалистичная программа действий международного сообщества по эффективно реагированию на общие угрозы в ядерной сфере» (См.: [7]).

Эту озабоченность российского лидера разделяют и наиболее активные представители нарождающегося гражданского общества страны. Так, известный экономист Михаил Делягин объявил повестку дня для обществоведов и политиков: «Нужно формирование новых мотиваций и типа мышления, — сказал он в известной патриотической газете, — новой социалистической альтернативы, которая выведет человечество из тупика не за счет подавления той или иной его части, а благодаря общему прогрессу» [5. С. 3].

Альтруистическая обществоведческая мысль России, в силу ее вселенской отзывчивости, надо полагать, с пониманием отнесется к словам М. Делягина. А вот наши партнеры по диалогу, лидеры «свободного мира», от которых также зависит самочувствие человечества, что они? Готовы ли они, скомпрометированные глобальным кризисом, расслышать доводы разума?

К чему обязывает, например, звание обладателя Нобелевской премии мира господина Обаму? Авансом выданная престижная премия не отменяет того факта, что страна, которую представляет Б. Обама, ведет войны в Ираке и Афганистане, а личный состав армии США расквартирован в 120 странах мира на 700 с лишним военных базах, опоясавших земной шар по четырем континентам (См: [6]).

Увы, тот тип мышления, о котором говорит М. Делягин, похоже, приобрел твердость монолита. Не успели неоконсерваторы (неоконы — для краткости) из администрации Д. Буша-младшего оставить служебные кабинеты Белого дома, как принялись поучать преемников, новый кабинет, по поводу внешней политики США. Правда, их новый проект мало чем отличается от прежней, бесславной доктрины, к чьей разработке приложили руку Уильям Кристол и Роберт Каган. На этот раз упрямы объединили усилия с бывшим членом администрации Буша — Дэном Сенором — для создания нового мозгового центра — Внешнеполитической Инициативы (Foreign Policy Initiative) (См.: [8]).

Авторы второй версии организации считают, что угрозу для США представляют такие возрождающиеся страны, как Россия и Китай, по-прежнему нарушающие права человека; а также неконтролируемые государства, враждебные интересам США, спонсирующие терроризм и продолжающие накапливать оружие массового уничтожения; слабые государства, служащие убежищем для террористов и канализирующие нестабильность на соседние страны...

Объективности ради заметим, что в США далеко не все разделяют точку зрения неоконсерваторов. Существует в американском истеблишменте весьма влиятельная группа сторонников идеи возвращения к ситуации до 11 сентября 2001 г., то есть одобряющих снижение военных расходов, ратующих за избавление от обременительных международных обязательств и сосредоточении на собственных внутренних проблемах.

Однако идеологи данной группы уверены, что уход от международных обязательств и отдаление от союзников не решит сложных экономических проблем, а лишь усугубит положение дел американского общества. Они верят в превосходство США, в их историческое призвание, в то, что без Америки невозможна

планетарная безопасность, стабильность и мир во всем мире. Именно к ним апеллирует Д. Медведев и другие люди доброй воли. Но что в ответ?

Министр обороны США Роберт М. Гейтц, доставшийся Б. Обаме в наследство от прежней администрации, заявляет: «Стратегия должна быть сбалансирована по трем направлениям:

— между попытками одержать верх в конкретных конфликтах и подготовкой к будущим столкновениям;

— между глобальными аспектами, например, противодействием повстанцам и внешнеполитическим военным взаимодействием, и поддержкой существующего превосходства США в сфере обычного и стратегического вооружения;

— между сохранением тех особенностей, которые сделали американские вооруженные силы столь эффективными, и избавлением от тех, которые мешают добиваться успеха» (См.: [10]).

Не будем забывать, что шеф Пентагона печется о превосходстве «в сфере обычного и стратегического вооружения», когда еще не решен вопрос о судьбе сверхизбыточных арсеналов «холодной войны»... Наследия тех десятилетий, когда от характера взаимоотношений двух завсегдаев ядерного клуба СССР (России) и США зависела и продолжает зависеть международная стабильность, судьба мира в целом.

После слома стратегического паритета, самоликвидации социалистического блока контакты между Москвой и Вашингтоном претерпели заметные изменения — от безоглядного доверия администрации Бориса Ельцина к «другу Биллу» до явного охлаждения отношений между их преемниками. Хотя межличностные, человеческие отношения лидеров стран внешне не претерпели изменений.

Дмитрий Медведев рассчитывает, как и его коллега Б. Обама, заметно активизировать конструктивный диалог в области разрядки напряженности по всему формату российско-американских переговоров. Еще на санкт-петербургском экономическом форуме Д.А. Медведев сказал: «Но для всех нас не менее важными являются не только те действия, которые предпринимают Россия и Америка, а мы свою ответственность осознаем, но и нерасширение ядерного клуба, потому как неконтролируемое расползание ядерного оружия грозит, конечно, всему человечеству». Российский лидер подчеркнул при этом: «Мы должны быть предельно внимательны, когда наблюдаем за теми процессами, которые происходят в государствах, относящихся к «пограничным государствам», государствам, которые занимаются созданием такого рода оружия, но которые не имеют на это соответствующих международных мандатов» (См.: [9]).

Правда, некоторые аналитики полагают, что полноценному общению лидеров России и США в последнее время мешают последствия «кавказской контратаки Медведева». Но вернемся к главной теме — оценке баланса военно-политических отношений ведущих акторов современности и их конфликтогенный потенциал (1).

Действительно, взгляды Москвы и Вашингтона на проблемы продвижения НАТО на Восток, на Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), на ПРО прямо противоположны, и чтобы свести их к приемлемому для сторон общему варианту, потребуется гораздо больше времени, чем это предусматривают протоколы встреч на высшем уровне. Вероятно, человечеству, уставшему от глобальной конфронтации, не следует питать иллюзий относительно быстрого достижения компромисса в этих принципиальных спорах и намерениях.

Маятниковая схема двусторонних отношений: союзники по антигитлеровской коалиции — непримиримые соперники в годы «холодной войны» — партнеры в антитеррористической борьбе — несговорчивые оппоненты в диалоге о ПРО — показывает, что только конструктивное сотрудничество идет нам и всему человечеству на пользу.

Отрадно, что подобные концептуальные позиции все чаще обнаружат американские политологи. И по тону, и по содержанию они отражают наметки долгосрочной конструктивной стратегии на международной арене и, в частности, в отношениях с Россией. «Действия США могут сыграть роль самосбывающегося пророчества, создав мир, весьма похожий на мир «холодной войны», которую США как будто забыли закончить, — писал в «Московских новостях» профессор Огайского университета Тед Хопф. — Америка никак не может очнуться от иллюзии однополярности и понять, что, поделившись мировой гегемонией с другими, включая Россию, она сохранит свое влияние намного дольше, чем управляя миром в одиночку».

О Российской Федерации как возможном партнере и даже союзнике США вспоминает и Томас Грэхэм, ведущий аналитик Фонда Карнеги. Очень мудрый посыл. Как показывает анализ, у Вашингтона и Москвы уже сегодня и тем более завтра действительно оказывается меньше противоречий и проблем, чем у США со многими другими членами мирового сообщества, в том числе и среди близких и «надежных» партнеров США в различных регионах мира.

Соображения политологов верные. Российский ядерный потенциал хоть и уменьшился с советских времен, но способен достичь военных целей на территории США. Следовательно, построить ПРО, отражающую массивный ядерный удар «оружия возмездия», невозможно в принципе. И, как показали дальнейшие события, Вашингтон перенес площадки для противоракет с суши на мобильные платформы (корабли) морского базирования, выстраивая под эту концепцию новую военную доктрину, модели организации родов и видов вооруженных сил, тактическую подготовку соединений и частей, военной школы в целом.

В каком бы ослабленном, посткризисном состоянии ни находилась Россия, она занимает центральное стратегическое положение на стыке важнейших геополитических зон и регионов, на траверсе основных транспортно-инфраструктурных коридоров будущего. Просто наблюдать или тем более способствовать превращению России из важного «балансира» международных отношений в «пространство», «соединительную ткань» — геополитически бесперспективно для

США. Деление мирового сообщества на тех, кто прикрит американским «зонтиком», и тех, кто находится вне его, только подстегнет гонку вооружений.

Борьба за безоговорочное мировое лидерство, которую ведет США, вольно или невольно выступает катализатором глобальных проблем, кризисов, вооруженных конфликтов (См.: [2]). Нет нужды вспоминать явные Берлинский, Карибский, Белградский кризисы, о которых достаточно много написано. Важнее указать на скрытые последствия американского лидерства. Вашингтон вольно или невольно втягивал в кумулятивную воронку гонки вооружений колоссальные ресурсы, которые могли пойти на мирные, социальные программы. Он отвлекал от насущных проблем человечества лучшие умы и технологии, переориентировал с созидательных задач на разрушительные целые отрасли и страны, чьи интересы были далеки от милитаризма.

Вот и сегодня, по мнению аналитиков, наметился рост вооружений. Как говорит Симон Веземан, эксперт по торговле оружием из Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), «мирные дивиденды», ставшие результатом окончания «холодной войны», попросту исчезли. По данным этого института, общемировые расходы на военные нужды в 1990 г., то есть за год до распада Советского Союза, немного превышали 1 триллион долларов. В 2005 г. они вновь перешагнули планку в 1 триллион (долларовые цены 2003 г. с поправкой на инфляцию)... Он предупреждает, что наращивание вооружений — это «опасная игра». Всегда существует риск того, что та или иная нация применит свое оружие, не ограничиваясь его демонстрацией.

Дипломатические круги США всячески стремятся убедить мировое общество в том, что военные приготовления Вашингтона — это рефлексия, вынужденная мера, ответ на растущие угрозы. Реальность их внешнеполитической и военно-стратегической деятельности, к сожалению, говорит об обратном. К слову, чтобы понять, какой курс — миролюбивый или агрессивный — проводит государство, достаточно соотнести его с предложенными нами индикаторами военно-политической активности и формами реализации военно-стратегических замыслов (табл. 1). Подобный анализ доступен, в нашем представлении, как для военных аналитиков, так и для неискушенных людей.

Табличная форма при известной информативности и наглядности все же уступает концентрированной, абстрактно-математической версии изучения предконфликтных отношений сторон, поскольку цифра точнее передает суть описания динамического процесса, каким конфликт по природе своей и является. Интерпретация эмпирических данных и наблюдений без математических символов остается достаточно статичной формой анализа. И лишь математические символы придадут ей законченный вид, который легко конвертируется всеми заинтересованными лицами — политиками и политологами, военными и журналистами.

Борьба за глобальное стратегическое превосходство

	Индикаторы военно-политической активности государств (союзов)				
	Геостратегическое, геополитическое упрочение позиций	Типовые методы воздействия на вероятного противника	Военно-стратегическое управление	Военно-технологическая политика	Военно-методологическое сопровождение
Формы реализации военно-стратегических замыслов	1. Размещение военных баз вблизи вероятного ТВД	Дипломатическое давление	Коррекция военного планирования в пользу наступательной тактики и стратегии	Освоение новых (прорывных) военных технологий и производств, обеспечивающих превосходство в военном деле	Адаптация новых военных концепций к полю боя и переучивание личного состава
	2. Военно-техническое доминирование в трансграничном (региональном) пространстве	Демонстрация силы	Оборудование и подготовка вероятных ТВД	—	Перестройка высшей военной школы
	3. Включение в состав военных блоков стран из лагеря бывшего вероятного противника	Поддержка третьих стран в двусторонних вооруженных конфликтах	Отработка военного взаимодействия с новыми союзниками	—	Модернизация материально-технической и дидактической базы военных школ
	4. Демонстративное наказание (военными и невоенными средствами) режимов, враждебных глобальному лидеру	Непринятие мер в отношении военных преступников и террористов, действовавших на территории потенциально-противника	Кординация военных доктрин, уставов, наставлений и методик подготовки личного состава	—	Обмен образовательными программами
	5. Коррекция военной доктрины в пользу наступательной стратегии	Военный диктат, шантаж	Унификация вооружений, боевой техники и боеприпасов	—	Обмен слушателями и курсантами военных вузов
	6. Выход из договоров и режимов, ограничивавших милитаризацию экономики	Дискриминационные меры	—	—	Акцент на практические занятия, тренировки, учения
	7. Испытание новых видов стратегического оружия	—	—	—	—

Некоторые критерии и оценки предконфликтной напряженности. Эскалация напряженности, обострившаяся ситуация, негативная динамика в отношениях сторон и т.д. Эти устойчивые словосочетания, характеризующие *пред-*

конфликтное состояние в практике международных отношений, фигурируют в специальной литературе и в СМИ. Авторы публикаций описывают этими штампами статус-кво, положение конфликтующих сторон, которое перетекает (или не перетекает) в острую фазу военного противоборства.

Подобная маркировка предгрозовых событий в традиционных формах описания, согласитесь, влечет за собой целый букет образов, подчас далеких от действительности. А для принятия политических решений необходимы предельно четкие координаты опасности, формализованные величины, которые однозначно указывали бы и на источники угроз и на арсенал мер, способный нейтрализовать их, заморозить конфликт, не дать ему разрастись до масштабов национального бедствия.

Не умаляя важности сообщений военных корреспондентов из «перегретых» или потенциально «горячих точек», мы отдаем предпочтение не ярким, эмоционально окрашенным журналистским репортажам или расследованиям, а формализованным величинам, математическому аппарату и строгому исследовательскому алгоритму. О чем идет речь? Прежде всего мы предпочли бы опираться на источники, доступные, например, военным экспертам, которые, как известно, оперируют более точными критериями, базирующимися на анализе действий вооруженных сил сторон и агентурной информации.

Театр военных действий. Источники такого рода для невоенного (гражданского мира) недоступны, в лучшем случае в открытых сообщениях циркулируют выводы компетентных органов, без «лишних», с точки зрения военных, подробностей. Поэтому и рассматривать их в качестве отправных точек для исследования и прогнозов можно с достаточной долей условности. Или прибегать к методам, апробированным экономистами (См.: [1]).

Другим недостатком данного типа источников является то, что значительная часть событий, происходящих на политической сцене, слабо учитывается или не учитывается совсем при определении самих критериев, в то время как последние могут оказывать значительное влияние на развитие ситуации в среднесрочной перспективе. В этом смысле мы разделяем озабоченность вице-президента Коллегии военных экспертов, члена Совета по национальной стратегии генерал-майора Александра Владимирова. Генерал настаивает на создании государственного (межгосударственного) Центра стратегического анализа, в котором бы рассматривались «проекты независимых стратегических документов национального (союзного) масштаба», делались «стратегические оценки *по новым критериям и показателям* (выделено нами — *авт.*), давались профессиональные ответы на сложные вопросы национального и военного строительства» [3. С. 3].

Попробуем восполнить информационный вакуум, минуя публицистическую эмоциональность, компенсировать «закрытые данные» анализом объективных величин, доступных, на наш взгляд, любому наблюдателю социальной напряженности, носителю неформальной логики и сущностных деталей из энциклопедических источников и справочной литературы и, разумеется, интернет-ресурсов. Но прежде определим, каким условиям должны отвечать критерии, доступные и удобные для оперирования в политологическом сообществе.

1. Исходная информация из предельно объективных открытых источников.
2. Критерий носит компактную форму записи, не требует обширных дополнительных пояснений.

3. Критерии охватывают весь комплекс политических, экономических, информационных и военных факторов, влияющих на ситуацию в зоне возможного конфликта.

4. Численные выражения критериев позволяют использовать их в математических расчетах моделей конфликтов разной интенсивности.

5. Критерии монотонны, то есть большему значению критерия должен соответствовать больший уровень напряженности, но при этом он не имеет экстремумов во всей области определения.

6. Критерий обладает возможностью однозначной обратной расшифровки; иначе говоря, зная значение критерия, каждый грамотный человек, следуя логике наших расчетов, способен объективно и тождественно описать ситуацию.

Обратимся к практике и сформулируем подобный критерий на примере типичной, но довольно упрощенной ситуации. Предположим, что в некотором регионе назревает межгосударственный конфликт. Перечислим основные факторы, которые можно использовать в качестве индикаторов напряженности.

I. Информационный фон: в сопредельных государствах, политические режимы которых враждебно настроены друг к другу, в прессе появляются систематически негативные публикации, в общественном сознании граждан культивируются различные фобии, массированные информационные кампании (подготовка общественного мнения), медийные провокации следуют одна за другой.

II. Исторический фон: наличие исторических комплексов и обид, войн, колонизаций, длительных социально-политических противостояний.

III. Религиозный фактор: наличие в стране разных конфессий, религиозный раскол в прошлом и текущее противостояние церквей.

IV. Экономический фактор: сильные противоречия в значимых экономических направлениях, обостренная конкуренция за доступ к сырьевым ресурсам, геоэкономические факторы.

V. Военный потенциал: милитаризация бюджета, стремительная модернизация армии, заключение военных союзов, демонстрация силы вблизи границ, систематическое нарушение воздушного пространства, территориальных вод.

Это упрощенная ситуация и перечень факторов отнюдь не исчерпывающий. Здесь уместны, например, и такие факторы для анализа, как:

а) отношение к конфликту третьих сторон, соседей, стран-партнеров;
б) отношение (нейтральное или заинтересованное) международных акторов, неправительственных организаций и других субъектов международного права к потенциальному вооруженному столкновению.

Расставим упомянутые группы факторов и элементы в порядке возрастания их значимости (справа налево). Запишем числа в двоичной системе. Такой порядок записи удобнее традиционного. Если фактор имеет место в действительности, записываем в соответствующей графе «1», если фактор отсутствует, фикси-

руем его цифрой «0». Переводя значение критерия из двоичной системы в десятичную, получим компактную форму записи. Рассмотрим, как работает данный критерий на примере описания некоего конфликта.

Предположим, что в генезисе, на начальной стадии конфликта имели место следующие факторы напряженности: систематические негативные публикации в прессе, наличие исторических обид и комплексов, конкуренция за доступ к сырьевым ресурсам. Вычислим значение критерия для данной ситуации: $2^0 + 2^3 + 2^7 = 1 + 8 + 128 = 137$. Итак, в данном случае значение критерия равно 137.

На следующем временном отрезке наблюдается эскалация напряженности, к описанным факторам добавляется новые: форсированный рост военного бюджета, массированные информационные кампании (подготовка общественного мнения), демонстрация силы в приграничных районах. Рассчитаем значение критерия для новой фазы напряженности: $2^1 + 2^3 + 2^7 + 2^9 + 2^{12} = 2 + 8 + 128 + 512 + 4096 = 4746$. Как мы видим, значение критерия напряженности возросло со 137 до 4746, то есть ситуация усугубляется почти в 35 раз (!), что свидетельствует о качественном изменении враждебно настроенных сторон (табл. 2).

Таблица 2

Критерии и факторы эскалации напряженности

Критерии	2^{13}	2^{12}	2^{11}	2^{10}	2^9	2^8	2^7	2^6	2^5	2^4	2^3	2^2	2^1	2^0
	Нет 0	Нет 0	Нет 0	Нет 0	Нет 0	Нет 0	Да 1	Нет 0	Нет 0	Да 1	Нет 0	Да 1	Нет 0	Да 1
Факторы	Непосредственные приготовления к войне	Демонстрация силы	Заключение военных союзов	Переворужение армии	Опережающий рост военного бюджета	Геоэкономические факторы	Конкуренция за доступ к сырьевым ресурсам	Прямая сильная конкуренция по значимым экономическим направлениям	Разные конфессии	Войны в прошлом, колонизация, длительные противостояния	Наличие исторических комплексов, обид	Информационные провокации	Массированные информационные кампании (подготовка общественного мнения)	Систематические негативные публикации, различные фобии

Предположим, что и далее ситуация продолжает обостряться — добавились информационные провокации и непосредственные военные приготовления, то есть 2 в квадрате и 2 в тринадцатой степени соответственно выражают такие абсолютные величины, как +4 и +8192, значение критерия напряженности — 12 942. Суммарно напряженность возросла еще в 2,7 раза и достигла почти предела для нашего случая. То есть страны находятся на этапе объявления войны.

Возможны и обратные преобразования. Так, например, значение критерия напряженности, равное 144 ($128 + 16 = 2^7 + 2^4$) означает, что в данном случае имеет место конкуренция за доступ к сырьевым ресурсам и экономической войне, наличие в прошлом длительных этнополитических противостояний. Деэска-

ляция напряженности, как это неоднократно происходило в жизни, возможна. Разрядила ситуацию, к примеру, дипломатия, возобладала реализм и прагматизм политических элит этих стран, акции неправительственных организаций и т.д.

Таким образом, предложенный критерий оценки предконфликтной напряженности удовлетворяет всем требованиям, которые ранее обосновывали авторы.

К недостаткам данного критерия можно отнести то, что он не учитывает сдерживающих факторов. Этот недостаток можно устранить путем формулирования критериев сдерживания, следуя предложенной методике; а затем, сравнивая эти критерии или установив некоторую закономерность, можно определить вероятность перехода конфликта в активную фазу.

Возможно вычисление таких критериев и для каждой из сторон потенциального конфликта. В этом случае будет объективно зафиксировано, кто являлся инициатором применения военной силы. А это уже повод для вмешательства международных инстанций — ООН, региональных акторов, способных блокировать военные столкновения.

В ближайшее время авторы верифицируют данную методику по нескольким конфликтным ситуациям последних десятилетий в различных регионах мира. Предварительные расчеты, проведенные для некоторых конфликтных ситуаций (Северный Кавказ, бывшая Югославия), вполне сопоставимы с прогнозами и последующими за ними событиями, что дает нам основание заявлять о состоятельности настоящей методики мониторинга и прогнозирования вооруженных конфликтов.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Свои соображения по этому поводу один из авторов уже высказал. Но тема, судя по всему, требует продолжения дискуссии (См.: [4]).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Албегов М.М., Бурса Б.И., Истомина Р.П.* Краткосрочное прогнозирование регионального развития в условиях неполной информации. — М.: УРСС, 2001.
- [2] *Белащенко Т.К.* США: 200 лет — 200 войн. Очерк о внешней политике США. — М.: Воениздат, 1982.
- [3] *Владимиров А.* Россия без армии. Тезисы доклада на международном семинаре «Армия и общество» // *Завтра*. — 2009. — № 42.
- [4] *Давыдов В.Н.* В темпе вечной погони. Борьба за стратегическое превосходство не стихает и после холодной войны // *Политика безопасности*. — 2008. — Декабрь.
- [5] *Деягин М.* Конец монополизма. «Дивный мир-III» // *Завтра*. — 2009. — № 23.
- [6] *Scholte J.A.* Globalization. — Houndmills, Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2005.
- [7] Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на саммите государств — членов СБ ООН по ядерному разоружению и нераспространению 24 сентября 2009 года // URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/5566>
- [8] Сайт «Внешнеполитической Инициативы» // URL: <http://www.foreignpolicyi.org/about.html>
- [9] URL: <http://novopol.ru/text69268.html>
- [10] URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=14873

**PRIOR TO CONFLICT SITUATIONS:
INDICATORS, MONITORING, POLITICAL DECISIONS.
METHODOLOGY OF DETECTION OF PRIOR
TO CONFLICT TENSION AND SECURITY**

V.N. Davydov

The Department of Political Science
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

G. Hussein

Media group «Keeper»
Olimpiyskiy pr-t, 22, Moscow, Russia, 129110

In the given article is developed methodology of definition and analysis of prior to conflict situation on example of modern foreign policy of the USA.

Key words: global security, modeling of complicated military-political processes, «the funnel» of arms race, balance of military-strategical interests, mathematical analysis of prior to conflict situations.